

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
КОРОСТЕЛЬ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ	5
Глава 2	
БЕСЕДА В БАННЫХ НАКИДКАХ	22
Глава 3	
БИЗНЕС ПО ЗАЛЁТУ, А КОВЁР ПО ПРИЛЁТУ	43
Глава 4	
ИЗ ДВОРНИКА В МИЛЛИОНЕРЫ	54
Глава 5	
МЫСЛЬ МЫСЛЮ НЕ ПОБЕДИТЬ	75
Глава 6	
МОЯ УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА	99
Глава 7	
ИЗ ГЛУБИНЫ ВЯЗКОГО БАСЕЙНА	117
Глава 8	
ДЕНЬГИ КАК ЭНЕРГИЯ	136
Глава 9	
ПРЕДАТЕЛЬСТВО С ПОЦЕЛУЕМ НА УСТАХ	163
Глава 10	
ПУСТОТА РАЗМЕРОМ С БОГА	187
Глава 11	
ПРЕВРАЩАЮ ЦЕЛИ В МЕЧТЫ	206
Глава 12	
НЕУДОБНЫЙ И ЧЕСТНЫЙ НАСТАВНИК	223
Глава 13	
ХВАТИТ ПЕРЕОДЕВАТЬ БОТИНОЧКИ	244

Глава 1

КОРОСТЕЛЬ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

*Воспойте Господу новую песнь,
ибо Он сотворил чудеса.*

Псалтирь, псалом 97, стих 1

Вы пробовали начать жизнь с чистого листа? Как в древней Книге, перелистнуть страницу из Старого Завета в Новый... Точнее, не так. Вы пробовали смять свою старую жизнь и забросить её за спину, за тот самый хребет, на котором всё держалось долгие годы?

Я пишу эти строки, сидя в новой сверкающей машине на заправке, и пью латте на кокосовом молоке. И я счастлив. Счастлив не потому, что богат, успешен и у меня всё получилось. Я счастлив потому, что мне довелось начать всё с нуля, точнее, даже с минуса, и прожить удивительные годы, наполненные сверхъестественными чудесами и изнурительной естественной работой, громкими победами и головокружительными поражениями, верностью и предательствами.

А самое главное — я счастлив, потому что в мою жизнь излита огромная Божья любовь и забота обо мне. О таких говорят «в рубашке родился» или «Бог поцеловал», но всё начиналось не так. Не было ни рубашки, да и Бога не было, точнее, Он-то был, но я не знал ни Его, ни о Нём.

Строить бизнес по-честному, возводить миллиардную компанию в СНГ и при этом не потерять веру в Бога, себя и человечество — нелёгкая задача.

Эта книга обо мне и о тебе. О таких, как мы. Кто падает и снова встаёт, наматывая слёзы, сопли и кровавый пот на кулак, порой, отрекаясь от прошлых себя, начинает снова идти, ползти, продвигаться вперёд, забывая прошлое и дыша будущим.

Эта книга о моей жизни, в которой ты узнаешь себя.

Эта книга как зеркало. Ведь ты — это я. А я — это ты. Как в той песне. Только автору больше ничего и не надо, а нам надо. И надо многое. Мы хотим взять от этой жизни всё, но ещё больше хотим отдать. Ведь отдавать блаженнее¹, нежели получать. Согласны? Поэтому я счастлив.

Эта история о том, как быть счастливым. Быть первым, а не последним и при этом оставаться человеком. Ну что, начнём...

— Господи, зачем я приехал сюда? Неужели, чтоб заниматься такой ерундой? Почему я вообще

¹ Счастливее в крайней степени.

тащу чьи-то вещи на вокзале в совершенно чужом городе? — Я смотрел на огромный чемодан и чувствовал себя растерянным, как никогда.

Февраль 2010 года. Вокзал. Четыре ищущих души, четыре горящих молодостью парня. Мы сошли на пустынном тюменском перроне. Торопливо, пока поезд не отправился восвояси, сгрузили бесконечный скарб, привезённый из прошлого. Будто в добрых традициях Маршака: «Дама сдавала в багаж диван, чемодан, саквояж, картину, корзину, картонку...» И далее по списку. Набралось дикое количество вещей, особенно у одного из компаньонов — у Кости. Только вот дама багаж сдавала, а мы тащили и толкали эти вещи по перрону. Сами. Чтобы сэкономить.

В 30 лет я оказался в Тюмени. А до этого жил в крупном промышленном городе Н. Желание вдруг сорваться с насиженного места и отправиться навстречу неизвестности пришло в момент какого-то внутреннего кризиса. У большинства людей кризис среднего возраста происходит лет в сорок, а у меня, видимо, в тридцать. Кто-то под давлением нахлынувших эмоций уходит в запой или иначе как-то чудит. А я погрузился в непонимание. Зачем я вообще живу?

В городе Н. я обосновался неплохо. Деньги водились в достатке, потому что работал начальником отдела технического контроля на заводе по производству пластиковых окон. Тогда я, наёмный работник, вовсе не помышлял о каком бы

то ни было бизнесе. И чтобы понять моё решение о переезде, надо видеть город Н. И пусть это место моего рождения. Я там вырос и за многое ему благодарен. Но иногда смотрел на эти улицы и физически ощущал, как он тянет силы. Город буквально топил меня в негативе. Казался скучным, серым, противным. Вроде бы и хорошее есть что вспомнить, но, проезжая по Н., я постоянно натыкался на места, где произошло что-то плохое.

Это началось не сразу и не вдруг. Но я начал ненавидеть. А ненавидеть город, в котором живёшь, — это как жить с нелюбимой женщиной. Или как верить в то, что тебе на самом деле противно. Хотя город не виноват. Да и вообще никто не виноват в том, что кризис, как и смерть, приходит неожиданно, когда его не ждёшь. Заходит без стука, выбивая ногой дверь, распластывая душу вниз лицом и принося с собой серые и унылые цвета. Этот дракон, взмахнув хвостом, покрасил в мрачные тона стены родного города. И я начал потихоньку забывать всё хорошее, что случилось со мной в этой паутине улиц. Мне хотелось бежать, эмигрировать от самого себя. 30 лет. Неужели кризис среднего возраста может прийти так рано?

Сначала возникла потребность уехать. Но при этом желание насовсем переезжать куда-то ещё не сформировалось. Не знал, зачем и куда. В те годы я только становился верующим человеком. Начал читать Библию. И наткнулся на псалом 97, где говорилось будто бы специально для меня: «Воспойте

Господу новую песнь, ибо Он сотворил чудеса». Эти слова никак не выходили из головы. А вдобавок вспомнилось предание о птице коростеле, с которым связана моя фамилия — Коростелёв. По легенде, эти болотные птицы что-то щебечут, но по-настоящему поют лишь однажды в своей жизни — перед смертью. В этот момент я понял, что мне нужно кардинально менять свою жизнь. Нужен новый город, новый круг общения, новые связи, новая работа. Всё новое — другое. Я готов был порвать с прежним окружением, даже с родителями.

Неопределённость в этот период мотала меня из стороны в сторону. Я то съезжал в съёмное жильё, то возвращался к маме. Пока однажды не встретил своего старого друга, с которым давно не общался. Он переехал в Тюмень. И при встрече подбросил идею — перебраться в тот же город. «Почему бы и нет?» — подумал я и решил попробовать сделать своим городом Тюмень. А когда оказался там, то понял, что жизнь человека как песня. У одних — шансон, у других — романтическая, у кого-то про «Lambo или Ferra», как у Моргенштерна. Я же тогда подумал: «А о чём пою я?»

В тридцать лет у меня не было своей семьи, каких-то длительных серьёзных отношений, да и вообще ничего важного не было. Хотя уже сформировалась вера, и материально был вполне себе обеспечен. Такой парадокс. Со мной в это время происходила метаморфоза. Как с гусеницей, которая превращается в бабочку. Бабочка не может

жить там, где обитала гусеница. Поэтому я как бы расправил крылья и «улетел» в Тюмень.

Но даже в этот момент мыслей, что начну здесь заниматься бизнесом, не было и в помине. Я переехал как исполняющий обязанности директора благотворительного фонда. И больше себя представлял работающим в социальном проекте, помогающим другим людям и занимающимся просветительской деятельностью. Я хотел служить Богу, проповедовать Евангелие. Допускал мысленно, что стану пастором или священником. Только о монастыре не думал. Я хотел жить в обществе. Не растождествлял себя с ним. А монашество — это совсем другая история. «Монос» — с греческого дух одиночества и отверженности. Люди отвергаются полностью от всего. Это определённый путь для них. На этом пути — отвержения самого человека и окружающего его общества — я себя не представлял.

Решение поехать не было вымученным. Я принял его за три месяца. Но и любовь к Тюмени не случилась с первого взгляда, прошло около полугода наших «отношений» с городом. Когда я влюбился в Тюмень? Я просто шёл как-то осенним днём по мосту влюблённых, где принято замки навешивать. Один из таких с надписью «Лена + Витя = Любовь» пыталась спилить плачущая девушка в свадебном платье. В этот момент я понял, что люблю этот город.

Есть в моём понимании «мужские» города — Екатеринбург или Новосибирск, например. А есть

«женские». Тюмень-Тюменьюшка из их числа. С ней моя душа оказалась крепко связана. Когда я понял сердце этого города, у нас с ним случилось этакое интимное родство. Я полюбил его. И именно на этой земле ко мне пришло множество инсайтов.

Переезд дался легко. Из города Н. выехали в плацкартном вагоне. Вчетвером. Целой командой. Костя, наш рекордсмен по количеству багажа, носил огромную, не модную уже тогда, норковую шапку и куртку-дублёнку а-ля 90-е. Я-то ещё более-менее прилично одевался, а Костя представлял собой колоритный персонаж. Этот грузный мужчина был меня старше лет на десять и уже обзавелся женой и дочерью. Мы связались с риелтором Максимом и вместе искали, где снять квартиру. Нужна была трёхкомнатная за двадцать тысяч рублей максимум, а лучше подешевле. Но, как всегда, риелторы начинают с самых плохих вариантов. Максим привозил нас с Костей в совершенно убитые квартиры. Мы рассказывали ему, что приехали из другого города, что у нас в Тюмени миссия. Высокие цели. Но спустя несколько минут он забыл, что мы ему говорили, и переспросил: «Напомните, кто вы. Гастролёры?» Я тогда осознал, что обычным людям наши задачи сложно понять. Впрочем, квартиру мы нашли. В сером доме на Депутатской улице. И сняли её. Нисколько не лучше, чем в городе Н.

Машин у нас с друзьями, разумеется, не было, ездили на общественном транспорте. Как-то я при-

дремал в поездке, слышу — голос в автобусе говорит: «Следующая остановка — не мелькайте». Мне так смешно стало, что мелькать нельзя. Это потом я уже узнал, что, оказывается, улица названа в честь партизанки Мельникайте. И долго меня забавлял местный сленг, пока не привык, с его «потуда-посюда-покуда». Ещё думал, что за колхоз. Как ходят мифы, что на Севере медведи гуляют — примерно так себе и представлял жителей Тюмени, пока не приехал.

Первый район, куда я попал, оказался цыганским. Это сейчас Тюмень красивая, а тогда была ещё той дырой. С одной цыганкой вышла история. Дело случилось на остановке возле «Муравейника». Это такой огромный обшарпанный дом общажного типа, который своим видом портит центральную улицу города. Сидел я на остановке. И подошла ко мне старая мерзкая цыганка. Совсем не такая очаровательная, как в мультике про Бременских музыкантов. И начала заливать в уши:

— Ай, привет, черноголовый, чернобровый! Давай тебе погадаю.

— Я сам тебе могу погадать, — не растерялся я.

— Как ты мне погадаешь? — удивилась.

— Давай руку!

Цыганка помешкала, помялась, но подала. Мгновенно внимание всех присутствующих на остановке обратилось на нас. Было очевидно, что никто из них не рискнул бы заговорить с цыганкой. Люди относятся к ним с опаской и страхом,

стараются обходить стороной. А мой дед, прекрасный рассказчик и умелец приврать под мухой, говорил мне в детстве, что родился от цыган. Якобы мимо табор проходил, и бабушка загуляла с одним бароном. Что-то из этих старых сказок всплыло у меня в подсознании, и, может, поэтому я предложил цыганке погадать.

Она протянула мне свою сморщенную руку, усеянную золотыми кольцами. Я взял и заглянул в ладонь. Внимательно поразглядывал. Поднял глаза и произнёс:

— А что тут гадать? Не покаешься в том, что делаешь, — в ад попадёшь!

— Что? В ад? — расвирепела цыганка. — Тьфу-тьфу!

И начала плевать, поворачиваться спиной. А ногами как будто землю отряхать, словно прах. Я подумал и тоже принялся отплёвываться уже в неё: «Тьфу! Тьфу!» Повторил за ней и её странные телодвижения. Цыганка убежала, а кто-то на остановке начал мне хлопать. Можно сказать, Тюмень встретила меня аплодисментами.

Я не строил каких-то больших надежд и завышенных ожиданий из этого приезда. Но и не боялся. Я как будто умер. В Писании есть такие слова: «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода» (Библия, Евангелие от Иоанна, глава 12, стих 24). У меня не было чувств и страхов. Просто двигался вперёд. Видимо, благодаря тому, что

обладаю определённым слабоумием и отвагой. Что порой, даже когда стоило бы бояться, я все равно иду навстречу страху. К примеру, однажды, когда мне было лет 12, я разбежался и нырнул в реку. Глубины оказалось недостаточно. Ударился о дно. Потерял сознание. Прихожу в себя, а меня молодые девчонки-медики откачивают. И нашатырь под носом. Вот и в жизни так часто бывает, что я ныряю сразу с головой, и всё.

Вообще испытывать страх для человека вполне нормально. Страх заложен во всех нас. Он и нужен, и опасен. Наш главный друг и враг. Страх помогает избежать многих неприятностей. Но страх — враг веры.

Однажды Христос плыл в лодке с учениками. Христос уснул. А тем временем море сильно штормило, лодку раскачивало из стороны в сторону. «Господи! Спаси нас, погибаем», — испугались ученики. А Христос проснулся, успокоил море и обратился к ним: «Что вы так боязливы, маловерные?» (Библия, Евангелие от Матфея, глава 8, стих 26). Страх охватил их, хотя бояться было совершенно нечего, ведь Бог с ними. В одной лодке. Он их ценность. И пока Он с ними, лодка бы не перевернулась. А если бы и перевернулась, то они бы все пошли по воде и не утонули. Просто ученики смотрели не туда. Смотрели на земное, а надо было на Христа. И неважно, что Он спит. Ведь Бог часто в нашей жизни «дремлет». То есть не проявляет Себя. Не вмешивается. Во многие ситуации, через

которые человек растёт и становится зрелым, Бог не лезет. Он джентльмен. Не изверг. Никогда насильно не врывается в жизнь человека. Бог всегда аккуратно стучит. Ведь написано: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Библия, Откровение Иоанна Богослова, глава 3, стих 20). Что нужно было делать ученикам? Не бояться, а просто разбудить. Позвать Бога. Активировать. Молитва — это лицензия на божественное вмешательство в жизнь человека. Когда мы обращаемся к Богу в какой-то ситуации, то Он вмешивается, а пока не обращаемся, Он стоит в стороне. Хочешь сам разбираться? Пожалуйста. Воля человека священна. Хочешь сам грести на этой лодке? Греби. Хочешь уйти на всю жизнь в пустыню? Уходи. Это твой выбор.

Бояться нужно не земного, что потеряешь деньги, здоровье, жизнь, а того, что сотворишь злое, сделаешь что-то против Бога. «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу, и тело погубить в геенне» (Библия, Евангелие от Матфея, глава 10, стих 28). Нужно иметь Божий страх, а не человеческий. Это значит ненавидеть зло. Помню, в библейской школе нас учили, что такое страх Божий и как ненавидеть грех. Представьте то, что у вас в жизни было самое отвратительное. Один — одно, другой — другое. Нужно запомнить это состояние, а затем перенести его на грех. И я представлял се-

бе самую омерзительную картину, которую видел в жизни. Так вырабатывается ненависть к греху. Даже на уровне физическом, на своём внутреннем состоянии.

Страх заложен в человеке с первобытных времён. Как только рай закончился и Адама с Евой изгнали в пустыню, в страшные условия. И люди поняли, чтобы выжить, есть три правила: бей, беги или замри. Просто страхом надо уметь управлять. Ведь в 95% случаев мы боимся того, что никогда не произойдёт. К примеру, я недавно сдал анализы, и у меня нашли камень в почке. Разумеется, я начал со всеми обсуждать. И те, кто переживал такое, говорят мне: «Когда камень будет выходить, такая ужасная боль начнётся». Всё! Я уже боюсь. Подумал, что чуть ли не при смерти. Тогда стал себя останавливать и настраивать по-другому. Даже если этот камень выйдет, то это будет не больно, и он будет драгоценный. Ведь я же сам драгоценный. Совсем другой подход, другая вера. Смысл бояться того, что никогда не наступит, что ты сам себе придумал. «Чего страшится нечестивый, то и постигнет его, а желание праведников исполнится» (Библия, Книга Притчей Соломоновых, глава 10, стих 24). Чего мы боимся, то с нами и случается. Сами притягиваем неприятности в нашу жизнь.

Мне кажется, тогда, по приезду в новый город, я ничего не боялся. И раньше, и сейчас, если принимаю какое-то решение, то следую ему до конца. И по этому поводу тоже есть слова из псалма. «Кто

клянётся, хотя бы злomu, и не изменяет» (Библия, Псалтирь, псалом 14, стих 4). Это значит, даже если веришь чему-то неправильному и плохому, то не изменяешь этому. Всё равно идёшь за своей целью, за своим решением. Возможно, ошибаешься, но хотя бы в неверности нельзя упрекнуть. Был у меня такой период. С возрастом я пересмотрел подобные моменты. Потому что это глупо и самонадеянно. Но в моменте был очень горд за себя.

В действительности самые гордые люди — это те, которым нечем гордиться. Мы уже много лет работаем и сейчас продолжаем в социальной сфере. Попросту говоря, кормим бомжей. И если хочется увидеть гордых людей, то проще всего прийти на такой обед. Там можно узнать массу причин, почему бомжи такие свободные и думающие люди. И почему именно они на самом деле являются «цветом общества». По их мнению, разумеется.

Но в сущности те люди, кто и правда чего-то в этой жизни достиг, не гордятся этим. Наоборот даже. Недавно смотрел комика Сергея Орлова. Он говорит: «С одной стороны, я очень амбициозный, как нарцисс, а с другой — считаю, что я этого не заслужил. Выхожу на сцену и думаю, что я вроде этого не заслужил, но горжусь этим».

Сейчас у меня уже ни того ни другого чувства нет. Думаю, что я уже заслужил то, что у меня есть, но я этим и не горжусь. Просто двигаюсь вперед. Вообще я человек цели, даже человек миссии.

Таких, как я, называли раньше фанатиками. Многие партнеры и до сих пор меня таким считают. Для меня действительно миссия стоит на первом месте. И когда мы только перебрались в Тюмень, то все наши мысли и силы направлялись на миссию, с которой нас послали. Даже в те сложные моменты, когда не было денег элементарно хотя бы на еду.

В то время мы помогали людям, страдающим зависимостями. И вот как-то идём с Костей. Нам совсем нечего есть. Денег ни копейки. Где их взять? А у нас был консультативный телефон, по которому обращались люди за помощью. Вдруг звонок. И там женский голос:

— Здравствуйте, а вы помогаете пьющим?

— А что вы хотите? — поинтересовался я.

— Да есть у меня одна знакомая, — женщина явно сочиняла, ведь пьющие люди не любят говорить про себя, а всегда звонят якобы о знакомых спросить.

— А где вы живёте?

— Улица 30 лет Победы, 36.

И тут я поднимаю голову и вижу, что мы стоим прямо около этого дома. Мы с Костей аж остолбенели от неожиданности и удивления.

— Когда вы сможете приехать и пообщаться со мной?

— Так мы сейчас приедем, — улыбаюсь в трубку.

— Когда?

— Через две минуты. Какая у вас квартира?

Набираем ей в домофон. Есть хочется жутко, с голоду умираем буквально. В голове только одна мысль: просто поесть. Дверь открывает женщина. Я смотрю на неё и понимаю, что это именно она выпивает, а не какая-то знакомая. Женщина обычная, лет 60, квартира трёшка.

— Вот это у вас быстрая контора, — удивляется хозяйка.

— Так у нас буквально скорая помощь. Оперативно работаем.

Она нас заводит с Костей. Смотрим по сторонам. Слюни текут. А у неё на столе едой и не пахнет. Зато куча книг. Чёрная магия. Белая магия. Сайентология. И много чего ещё. Диалог завязался. Она рассказывает про себя, но только будто бы про подругу.

— А какого она возраста? — спрашиваю.

— Примерно моего.

— И выглядит, наверное, так же, как вы? — уже всё и так понятно, но из вежливости продолжаю.

— Ну да, мы с ней похожи.

И Костя ей говорит:

— Я понять не могу. Вы такая набожная женщина, у вас вон какие книги на столе, а где у вас Библия?

И только он эти слова произнёс, как она меняется в лице.

— Я всё про вас поняла, — говорит, — буду в церковь к вам ходить.

— Да мы вас не заставляем. Давайте с подружкой вашей разберёмся сначала.

— Нет, я буду у вас служить. Я поняла, вы люди света, — чуть ли не нападает.

То ли у нее белочка, то ли что. И в этот момент начинает звать:

— Эээдик! Эээдик!

Нам даже страшно стало. И тут такие тяжёлые шаги за спиной. Входит здоровый детина, прямо шкаф в плечах. Мужик лет 35. Я понимаю, что это её сын.

— Эдик, принеси с третьей полки чёрную книгу с обложкой кожаной.

— Сейчас, маменька.

Приносит книгу. Она открывает. И говорит:

— Я поняла, зачем вы пришли.

И даёт нам тыщу. После чего выгоняет из квартиры.

— А как же алкоголизм?

— Я вам потом позвоню, — сказала и выставила за дверь.

И мы стоим в подъезде с тыщей. В шоке. А как в себя пришли, то сходили в кафе и пиццу поели.

Вот из таких ситуаций становится очевидным, что всё в нашей жизни неспроста. Всё даётся для чего-нибудь. И случайности не случайны.

Потом она один раз мне как-то позвонила. В семь утра.

— Серёженька, ты помнишь, это я — Людмила Петровна. Ты говорил, что помочь можешь в любой момент.